

Натали Трелковски

КОРОБКА

Натали Трелковски
Коробка

«Геликон Плюс»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Трелковски Н.

Коробка / Н. Трелковски — «Геликон Плюс», 2016

ISBN 978-5-00098-040-8

«мама – это стыдливый бутерброд в школьной сумке. жалость к тебе – наглому и безобразному выродку». Именно так – с прописной буквы. Безжалостно. Первая книга верлибров Натали Трелковски. Поэта, скрывающегося под псевдонимом героя Полански. Несколько инфантильно – так же безжалостно. Языки у них вообще схожи. Монтажный принцип. Герметичность образов. Соотношение нежности и жестокости. Ранимость. Драматизм. Странный зазор, дистанция между образом автора и самим автором. Более рвано – да. Более кроваво – пожалуй, с прописной буквы. даже иисус: «почему иисус похож на иисуса?» Борьба за значимость слова: все слова рождены равными. Все слова – имена. Одно имя не может быть важнее другого. жанна. дедушка. бабушки. кино. фрагменты. кит. Это список глав книги. Без оглавления. У слов есть цена. 90 страниц превращаются в разговор по гамбургскому счёту. Прицельно. Точно. Не «юношеский максимализм». Необычайная взрослость. Она догадывается, что лежало в «Коробке» Кетчама. Но продолжает сражаться. киновед Егор Кайрон

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-040-8

© Трелковски Н., 2016

© Геликон Плюс, 2016

Содержание

жанна	6
дедушка	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Натали Трелковски

Коробка

© Трелковски Н., текст, 2016

© Геликон Плюс, макет, 2016

* * *

посвящается седе

Childhood is like a knife stuck in the throat that cannot be easily removed.
/Wajdi Mouawad. Incendies/

Жанна

* * *

с тех пор как не стало мамы – никто не распутывал мои иероглифы на постели. она подходила к моей кровати на которой я – еще шестилетний лежал в немислимых позах – нежно подкладывала руку под мою вспотевшую от кошмаров спину и осторожно выпрямляла. иногда я делал это специально – ложился скрюченным – ждал что она коснется меня потому что кроме этого касания у меня не было ничего. я любил свою мать животно. я до сих пор помню ее запах.

комиксы про китайского рыбака
желтые пластмассовые очки
маленький фонарик зеленый аквариумный сачок
книга о первобытных людях – ее подарки.

я берег их двадцать с лишним лет. но сейчас они парализуют меня.
будто эти вещи оставила мне чужая никогда не любившая меня женщина.

* * *

трудно трудно жить в сердце этого фильма
где лука не дожил до пасхи
где его маленький свитер?
мы его потеряли?
мы забыли его в машине?
мы его никогда не вязали.

две полоски оставшиеся позади.
она везет меня – свой плод любви – в санях.
она еще так молода.
я не хочу обременять ее собой.
я хочу отпустить ее.
сказать: «иди. люби мужчин.
спи до полудня. ешь виноград.

мама.

единственная женщина
согласившаяся на меня».

* * *

небольшая дамская квартирка. все в ней было розового цвета.
огромное зеркало над комодом облепленное множеством

открыток –
чем-то напоминало зеркало в гримерной кабаре.
не знаю кем работал ее любовник но он постоянно носил
с собой пистолет
и когда приходил – бросал его с грохотом на письменный стол.
он покупал одинаковые игрушки ее мальчику и своему
родному сыну.
одинаковые духи ей и своей жене. этот любовник ел только
жареную курицу
и что-то говорил говорил размахивая жирными пальцами.
даже за столом и в присутствии ее семилетнего сына
он обсуждал какие позы они испробовали а какие нет.
и когда мальчику становилось гадко и стыдно –
он уходил в комнату слушать музыку.
особенно ему нравилась песня «самба белого мотылька».
иногда этот маленький мужчина бесконечно плакал
и лицо его становилось припухшим и ужасно симпатичным.

а мне было восемь. я даже не могла завязывать шнурки.
я ничего не могла.

* * *

странный и самый последний.
я не рассказывала о нем даже в милиции на допросе.
не знаю откуда появился. не знаю куда исчез.
у него не было указательного пальца на руке.
он был умен. начитан. пил много кофе
и непременно запивал его холодной водой.
он был добр ко мне. давал мне деньги.
хрустящие купюры. тысячные купюры.
и говорил: «послушай купи нам по баночке
сладкой маринованной кукурузы а сдачу можешь оставить себе...»
и я шла. и я шла. шла. шла. шла. вся наша кухня была заставлена
этими баночками от кукурузы. мы постоянно ели кукурузу:
на завтрак. на обед. на ужин. он спал на ходу. кричал во сне.
каждый вечер он запирался на кухне.
говорил что колет лекарство. что у него болит печень.
вмазанный он сидел возле меня на диване
мы смотрели дурацкие передачи. и разгадывали кроссворды.
мы могли думать над одним не отгаданным словом по часу.
и когда его голова совсем съезжала набок
я расталкивала его и говорила:
«вот здесь по горизонтали: слово “жизнь”».

* * *

не подходит тебе это слово – мама.
это слово для мягких полных нянюшек
мизинцем проверяющих температуру молока
плачущих оттого что у ребенка в руках
взорвалась веселая бомбочка
или оттого что нечем платить мяснику.
мама – это стыдливый бутерброд в школьной сумке.
жалость к тебе – наглому и безобразному выродку.
веник и совок. засаленный фартук.
мама – это как палец. нога. голова.
кровь. осадки. земля. вымя коровы.
это слово не подходит тебе.

я не знаю как назвать тебя.
чем приправить твоё прекрасное имя
ударяющее в лоб – как ему и положено.
если бы ты мне позволила высмотреть его.
если бы ты мне позволила выслушать его.
оставила бы мне свой жесткий черный волос
заставила бы полюбить себя –
как заставляют это делать другие матери –
тогда бы мы ни за что не поговорили начистоту.

я продолжаю свой дремучий монолог
поднимая тебя все выше и выше и выше.
мне кажется кто-то из друзей догадывается об этом.
ты моя самая большая любовь.
финиш до которого мне никогда не добежать.
медведь с которого мне никогда не снять шкуру.
тригонометрическое уравнение которое никогда не осилить.

исчезнув – ты ведешь себя как дикий зверь.
исчезнув – ты ведешь себя как трусливый заяц.
исчезнув – ты ведешь себя как девчонка
которая заставляет ждать меня в подворотне.

я жду твоего нападения.
я жажду проглотить твоё мясо.
я готова поцеловать тебя.

* * *

я просыпалась среди ночи и тихо радовалась круглой синей коробке.

на ней был нарисован улыбающийся моцарт.

когда молишься – нужно подумать о чем-то приятном.

теперь эти конфеты – единственное что приходит мне в голову.

утренний поход к врачу уже не был так страшен.

всего лишь кровь из пальца. а потом я смогу прийти домой

и наслаждаться выбором: съесть

или оставить нераспечатанными и любоваться ими вечно.

я боюсь смотреть на твои письма не то что читать.

бабушка хранит их и знает наизусть.

ты пишешь о том что я привожу со двора друзей

и отдаю им всю еду которая есть у нас в холодильнике.

ты говоришь что я очень добрая.

мама я каждое лето сижу у аквариума отца.

он держит наши черно-белые фотографии отдельно от других.

у него ужасный почерк и он как и я грызет ногти.

он никогда не говорит о тебе.

только бесконечно курит и подолгу смотрит мне в глаза.

вдруг что-то внезапное возвращает его к жизни

и он улыбается как ребенок.

разболелись уши. в школе начало четверти

но я уже три дня провожу в постели листая новые учебники.

я люблю как пахнут книги. каждая книга как человек

имеет свой собственный запах. мама принесла мне пирожные.

мама садится на кровать и смотрит так жалостливо

как будто это у нее а не у меня оркестр жалящих пчел в ушах.

«я не хочу мама. убери. я ничего не хочу...»

сейчас спустя 14 лет я думаю о том что возможно обидела ее.

но когда меня спрашивают: «была ли ты когда-нибудь

по-настоящему счастлива?» –

я рассказываю об этих пирожных.

* * *

в последний раз я слышала твой голос

по телефонному автомату.

после я хранила карточку так долго

что на ней заржавела микросхема.

когда у меня украли кошелек

в котором лежала эта карточка

и твоя рукописная молитва –

у меня не осталось ни одного

доказательства пребывания

в том роковом дне.
но зато я помню твои жесткие волосы.
смех и гладкие руки.
мне до сих пор снится наша кровать
но теперь вместо тебя в ней спят мои любовники.

* * *

когда я был маленький
меня оставили одного у каких-то людей.
я был так голоден что зашел на кухню и взял йогурт.
просто слегка его приоткрыл и выпил.
потом залепил обратно.
хозяйева подумали что купили пустую пачку.
эка я их надурил.

и еще я постоянно воровал игрушки.

* * *

до четырнадцати лет я побывала в стольких домах
что невозможно сосчитать.
я видела счастливые и несчастные семьи
богатые и бедные
и почти у всех были дети. очень разные дети:
кто-то отрезал кошке ухо при попытке ее подстричь.
кто-то воровал у матери деньги и заставлял ее
подтягиваться на турнике.
кто-то выбегал внезапно из комнаты и снимал
перед гостями трусы.
кто-то дрался со мной как с мальчишкой:
больно и без поблажек.

но тогда мы были в одной лодке.

маленькие и дикие.
заложники судьбы.

* * *

в детстве тебе вырезали миндалины
поэтому ты могла пить ледяную воду.

ты кормила меня зеленью с сыром
а сама была приправой для пресного мира.
я всего лишь робкий болезненный
никчемный кусок тебя.
я не заметила как превратилась в труса.
было по-другому: когда я чувствовала себя
маленьким молчаливым воином в запертой ванне.
но это молчание иного рода.
потом был выход и стопка грамот –
подтверждение того что я вылечилась.
доктор рояль провалился в пропасть.
будто его и не было.
моя страсть – ломаная линия.
она похожа на крестовый поход.
на морского ежа.
на воротник плотно облегающий шею.
картонная коробка – лучший костюм.
я не знаю что такое мягкость.
смотри что ты со мной сделала.
теперь я всю жизнь обречена
искать себе палача.

* * *

удивительно что что-то могло убить тебя.
это был не просто кашель курильщика.
мне казалось у тебя выскочит сердце.
и я злилась на каждый подъезд
в котором тлела твоя сигарета.
и я злилась на каждого мужчину
который обращался с тобой
не как с женщиной.
если бы ты еще раз пошла
и купила мне тех пирожных –
мы бы съели их вместе.
однажды на выходных
я так по тебе скучала
что мне хотелось выть.
однажды я так тебя ненавидела
и так выла что пекло в груди.
ты сделала из меня воина.
но я больше не буду звать тебя.

хватит.

дедушка

* * *

я видела как завершается круг.
мы поехали на дачу в последний раз.
ты был весь в белом
на шее висела золотая цепочка
а в руках была трость.
я пошутила что ты похож на гангстера.

это удивительный и прекрасный мир.
земля. солнце. плоды. так много боли и счастья.
и ты сидишь на холодной трубе.
твоей головы почти не видно.

готовая к крыльям спина.
готовый ангел.

* * *

все что может быть бесконечного в этом мире:
лопата в земле
тыквенные семечки
засушенные шкурки животных
командирские часы
электрическая бритва
раздвоенный подбородок
прокопченный чайник на ночном костре
утренние комары бьющиеся в лицо
казахстанские сигареты
красные раки
лимонад «буратино»
охотничий нож
живая новогодняя ель
сосед на зеленом мотоцикле с чернокожим сыном
холодная труба по которой мы ходили босиком
воровать клубнику на чужих дачах
маринованные арбузы в бочке
лохматые псы в море
маленькие юркие ящерицы
которых никогда не поймать
детский ухват руля

массивная сабля на белой стене землянки
желтая рубашка твоей молодости
самодельный чердак на высоком дереве
гнилая лестница
жало шмеля

все что может быть бесконечного в этом мире –
разговоры с мертвецами.
все что мне остается это разговоры с мертвецами.
холодные долгие ночные дневные
всепоглощающие разговоры с мертвецами.
с моими верными мертвецами.

* * *

в наш последний день мы сидели в старой белой «волге».
ты жадно ел клубничное мороженое
зная что через полчаса тебя вырвет.

ты – король-рыбак.
я буду рассказывать о тебе своим детям.

еще одна смерть которой нет.
еще одна смерть которой не существует.

я знаю – ты бы сейчас сказал что-то вроде:
«по крайней мере там не нужно распутывать сети».

дернул бы меня за нос
и поставил погромче музыку.

* * *

ты не спишь всю ночь.
все удишь и удишь рыбу.
говоришь: «иди в палатку. поешь чего-нибудь».
я жую каменный пряник.
пью кровавый компот.
единственная рыба которую я не люблю – линь.
она слизкая и скользкая как зародыш.
когда мне было двенадцать я стояла на берегу
и пила водку с горла.
два мальчика в лодке смотрели и улыбались.
а потом мы бегали по песку в носках

еще не знакомые с желанием.

* * *

«все страдания от желания –
говорил ты мне – все страдания от желания».

да.
да.
да.

* * *

он попросил привезти компот и хачапури.
хотя уже неделю лежит под капельницей.
за месяц он похудел на пятнадцать килограммов.
операция будет сразу после праздников.
я никогда не покажу ему стих который написала про него.
возможно он так и умрет не узнав об этом.
и завтра я одна поеду к нему в больницу за город.
потому что у меня нет друга который бы
согласился так долго трястись со мной в автобусе.

он – мой единственный друг.

* * *

научивший меня кататься на велике.
путешествовать. плавать. водить машину.
ловить рыбу. варить уху. печь пирог.
ходить на лыжах. охотиться. свежевать животных.
не бояться боли. холода. комаров.
рассказавший мне о войне. стихах. музыке. теоремах.
подаривший мне котенка. цепочку. и коврик под ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.